

Откуда у семьи Хань взялся отвар из кислых слив?

Цао Цюшуй, завидев, как Цай Байцао пытается вырвать из рук Хань Люцзы бамбуковый тубус, мгновенно среагировала и быстрее схватила его, затем всучила прямо в руки Вэнь Ецая.

— Цай-гер, ты только погляди, — сказала она, — неужто эта вороватая баба украла ваш напиток?

Слово «украла» прозвучало особенно резко. В деревне, если у кого-то замечают за мелким воровством, то дело может обернуться не только побоями, но и всеобщим презрением: плевать будут в след всей семье.

Цай Байцао тут же взвилась:

— Цао Цюшуй! Ты, дрянная баба, не неси чушь! Каким глазом ты видела, что я украла?!

Вэнь Ецай, уклонившись от летящих брызг слюны, на глазах у всех открыл тубус. Отвар из кислых слив тёмного цвета: он неизбежно окрашивает внутренние стенки тубуса, а его вкус и аромат настолько характерны, что их не в силах спутать никто из тех, кто в обед попробовал хоть пару глотков.

Доказательства были неопровержимы. Вэнь Ецай и Юй Шанчжи переглянулись, и лица у обоих заметно потемнели. В деревне, когда все выходят в поле, свои вещи обычно оставляют под деревьями: тут все друг друга знают, живут бок о бок, никто ничего не боится. Бывало и вовсе, что двери на ночь не запирали. Кто ж мог подумать, что Цай Байцао осмелится украсть чужое, и не что-нибудь, а еду! И если она сейчас всего лишь украла, то что помешает ей в следующий раз подсыпать в воду какую-нибудь гадость?

Вэнь Ецай сделал шаг вперёд, отчего Цай Байцао в испуге отшатнулась назад и тут же наступила на ногу Хан Каньцзы.

— Ай-ай-ай! Ты что, баба слепая?! Ходишь как вол по полю!

Но всего мгновения промедления оказалось достаточно: Вэнь Ецай уже успел схватить её за рукав.

— Цай Байцао! — холодно прорычал он. — Кто тебе дал смелость воровать у моей семьи?!

Ростом Вэнь Ецай был высок, и Цай Байцао приходилось задирать голову, чтобы на него взглянуть. К тому же пальцы у него были сильные, и когда он сжал её руку, та тут же заныла от боли.

Цай Байцао завывала, жалобно охая, но и под страхом разоблачения всё равно наотрез отказывалась признать, что украла напиток, продолжая упорно выкручиваться:

— Я-то откуда знала! Я думала... ну, что вы уже не будете это пить!

Как только эти слова слетели с её губ, окружающие не сдержались и дружно рассмеялись, особенно Цао Цюшуй, которая и без того давно с ней не ладила.

— Ой-ой, вы только послушайте! — протянула та нарочито громко. — Выходит, если что-то стоит без присмотра, значит, оно уже никому не нужно? Так, глядишь, теперь и миску на солнце не оставишь, как бы уважаемая госпожа Цай себе не утащила! Раз никто не смотрит, значит, можно тащить, ага!

Слово подхватила и сноха Цао Цюшуй, бойкая на язык женщина. Она до сих пор помнила, как после первых родов, когда у неё родилась девочка, Цай Байцао за спиной насмеялась, что она не может сына родить. Смешно, конечно, ведь Хань Люцзы вообще не старший сын в семье.

Цао Цюшуй с отвращением сплюнула в сторону Цай Байцао:

— С каких это пор у нас в деревне завелись такие вороватые да нечистоплотные?! Я говорю: надо звать деревенского старосту, пусть рассудит!

— Верно! Пусть староста разберётся! Сегодня украла раз, кто знает, чего она раньше натворила!

— А я вот теперь вспоминаю, у меня огород рядом с домом семьи Хань, так вот, недавно из грядки несколько кочанов как сквозь землю провалились!

Цай Байцао тут же побелела. Она и вправду как-то раз, оступившись, совершила такую подлость, но не ожидала, что теперь на неё начнут навешивать и чужие грехи!

Совсем забыв, что Ду Го вынашивает наследника семьи Хань, она с яростным визгом метнулась к тому геру средних лет, который обвинил её в краже овощей, и злобно закричала:

— Это ты про кого сказал — воровка?! Сам ты вор! И вся твоя семейка — воры!

Но гер в отличие от обычной деревенской женщины был покрепче и посильнее, поэтому без труда скинул её, махнув рукой, и с досады толкнул наземь.

На краю поля всё быстро обернулось суматохой. Услышав шум и гомон, Бай Пин не выдержал и подошёл поближе, разглядывая сквозь толпу, что же там случилось. Завидев лежащего на земле Ду Го, он испуганно воскликнул:

— Ай! Что с тобой, Го-гер?!

С его криком наконец-то все вспомнили, что на земле до сих пор лежит человек, причём беременный гер.

Уловив момент, Вэнь Ецай быстро шагнул вперёд и оттянул взбешённую Цао Цюшуй, уже занёсшую руку, чтобы схватить Цай Байцао за волосы. Он был не понаслышке знаком с тем, как в их деревне дерутся женщины и геры, и знал — сцены эти ни капли не уступают в ожесточённости мужским побоищам. А если кто-то действительно обезумеет от злости, то никакими силами его уже не остановить.

Цай Байцао воспользовалась суматохой и кинулась обратно к Хань Каньцзы, но тот явно не горел желанием встать на её защиту. Увидев жену, он тут же отпрянул в сторону, отвернувшись, будто бы вовсе не знал эту женщину.

Цай Байцао с досадой метнулась было к своему сыну, но Хань Люцзы в этот момент будто и вовсе забыл о её существовании, все его внимание было приковано к Ду Го.

— Юй-ланчжун, Го-эр весь в холодном поту... Этот ребёнок... его ещё можно сохранить?

Хань Люцзы был в полном замешательстве, внутри всё горело от страха и вины. Ведь в конце концов во всём была виновата его мать, но и он сам тоже — если бы не настоял, чтобы Ду Го допил тот напиток, ничего бы и не случилось. Он был простоват, мысли его шли прямой дорогой, без хитрых поворотов, потому и не понимал всех тонкостей происходящего. Сейчас, глядя на бледного, обмякшего Ду Го, он только и думал: неужели потеряет и его, и ребёнка?

— Юй-ланчжун, прошу вас, спасите моего Го-эра и малыша в его чреве!

Юй Шанчжи вытер рукавом пот со лба. Сейчас главное как можно скорее отнести Ду Го домой и найти кого-то из геров, кто сможет проверить, нет ли у него кровотечения.

Он встал с земли, опираясь на колено и, понизив голос, передал суть дела Вэнь Ецаю. Тот сразу понял и ответил:

— Я с Пин-гером отнесу Го-гера домой. А ты возвращайся за аптечкой, потом иди прямо в дом семьи Хань.

Юй Шанчжи кивнул. Такой порядок был самым разумным.

— Когда дойдёте, растопи очаг в доме Хань, поставь на него пароварку.

Вэнь Ецай сразу понял — это нужно, чтобы простерилизовать серебряные иглы. Он согласно

кивнул, затем окликнул Бай Пина и, развернувшись ко всё ещё растерянному Хань Люцзы, резко бросил:

— Чего застыл! Быстро и аккуратно подхватывай своего фулана, отнеси домой, уложи на кан, пусть полежит спокойно! Шанчжи скоро вернётся с ящиком, осмотрит его как следует!

Услышав это, Хань Люцзы немедленно подсунул руки под Ду Го, позволив тому обвить шею руками, затем бережно поднял его на руки и, боясь даже сделать шаг слишком резко, поспешил в сторону дома.

Цай Байцао хотела было броситься следом, но её резко одёрнула Цао Цюшуй. В этот же момент Вэнь-эрню встала и, указав на неё пальцем, громко заявила:

— Не думайте сбежать! Сын тётушки Цюшуй уже пошел за деревенским старостой!

У Цай Байцао потемнело в глазах — если уж деревенский староста явится, разве удастся ей выйти сухой из воды?

Хань Каньцзы от стыда готов был землю под собой рыть. Завидев, что все столпились вокруг его жены, браня её на чём свет стоит, он попробовал потихоньку улизнуть в сторону. Но муж Цао Цюшуй, Ван Шитоу, уже заранее встал на стреме, и, не дав тому сделать и двух шагов, одним пинком загнал обратно.

— Твоя баба украла питьё, а ты, значит, ни причём? Сам не хлебнул, что ли? А как дело запахло жареным, удрать захотел? Какой же ты после этого мужик?!

Так что вся волна упреков и ругани тут же обрушилась на головы четы Хань — Цай Байцао и Хань Каньцзы. Что до Хань Люцзы — кто-то, может, и сомневался, знал он про кражу или нет, но, видя, как он трясётся над своим фуланом, решили на этот раз закрыть глаза.

А тем временем Вэнь-эрню, получив на прощание от старшего брата поручение, с важным видом взялась представлять «главу дома Вэнь» и, засучив рукава, уже была полна решимости как следует проучить Цай Байцао.

С другой стороны, Юй Шанчжи вернулся домой за ящиком с лекарствами и наскоро собрал ещё изрядное количество трав. Вэнь-санья тоже поспешил внутрь помогать, ведь только он в семье умел читать, так что именно он обычно отвечал за сортировку и хранение большинства трав на деревянных полках. Что бы ни называл Юй Шанчжи, он тут же находил нужное, заворачивал в отдельный масляный бумажный свёрток и подавал.

— Брат Юй, в деревне кто-то тяжело заболел?

Юй Шанчжи коротко подтвердил, но случай Ду Го касался угрозы выкидыша, и объяснять

такое ребёнку он, разумеется, не стал. Собрав вещи, он уже было собирался спешно выйти, но, заметив у двери Давана и Эрвана, вдруг передумал.

Мысли в голове пронеслись стремительно, и он кивнул на Давана:

— Даван, пойдёшь со мной.

Тот миглом насторожился, весело повилял хвостом и беспрекословно побежал следом за Юй Шанчжи. Но, выйдя за дверь, Юй Шанчжи вовсе не повёл Давана за собой в дом семьи Хань, а указал в сторону их поля и сказал:

— Даван, ступай в поле, найди Эрню.

Даван всегда был очень умным, Юй Шанчжи ни на секунду не сомневался, что тот всё понял. Он проводил взглядом, как пёс мчится по деревенской тропинке, после чего поддёрнул на плече ящик с лекарствами и заспешил в сторону дома семьи Хань.

Едва он переступил порог, как изнутри донёлся встревоженный крик Хань Люцзы:

— Го-эр!..

И тут же раздражённый голос его собственного супруга:

— Чего ты воешь! Го-гер в полном порядке, а ты уже панику разводишь! Сам глава семьи, а ни капли решимости, и не стыдно? Ни своего фулана защитить, ни с матерью справиться! Только и можешь, что перед ней спину сгибать!

Юй Шанчжи не удержался от беззвучного вздоха: только Вэнь Ецай, этот прямолинейный и дерзкий гер, осмеливался вот так прямо ругать мужчину в его собственном доме.

Но нужно признать, ругал он по делу.

Ещё по дороге сюда Юй Шанчжи размышлял: ведь в марте, когда Ду Го приходил на приём, он был крепок и здоров, никаких особых отклонений не наблюдалось. По логике, даже если и забеременел, на столь раннем сроке не должно было возникнуть опасности выкидыша. Однако, вспоминая ту недавнюю сцену с Цай Байцао и её сегодняшнее поведение, становилось ясно — наверняка она и в обычные дни немало изводила Ду Го.

А тот ведь немой, ничего не скажет, всё только копит в себе, а это легко подрывает здоровье. Многим людям здоровье портит не болезнь, а именно такие ежедневные обиды, накопленные в молчании и безысходности.

— Цай-гер, кажется, это Юй-ланчжун пришёл, — осторожно сказал Бай Пин, не обладавший такой же свирепой натурой, как Вэнь Ецай. Видя, как тот разносит Хань Люцзы вдоль и поперёк, он и сам не знал, стоит ли вмешиваться. Хоть как-то дождавшись прихода Юй Шанчжи, он поспешил перевести внимание Вэнь Ецай на него.

Юй Шанчжи, войдя, увидел, что тот всё ещё сердится, и мягко провёл ладонью по его спине. Затем он велел мешающемуся Хань Люцзы отойти в сторону, достал подушечку для пульса и тщательно прощупал пульс Ду Го.

Прошло немало времени, прежде чем он, подняв взгляд, посмотрел на Вэнь Ецай. Тот сразу понял, к чему тот клонит, и, не дожидаясь объяснений, попросту выгнал Хань Люцзы за дверь, не обращая внимания на то, как тот хлопает по ней снаружи, просясь обратно.

В комнате остались только Вэнь Ецай и Бай Пин — оба с тревогой в глазах.

— Мы только что проверили... — тихо сказал Вэнь Ецай. — У Го-гера действительно... пошло кровотечение.

Это невозможно было утаить от Ду Го. Он, с глазами, полными слёз, держался за живот и отчаянно махал руками, стараясь объяснить жестами, даже хотел встать и поклониться Юй Шанчжи. Пусть они и не могли полностью понять его знаков, смысл был ясен — он умолял Юй Шанчжи спасти ребёнка.

— Быстро придержите его, не дайте ему двигаться, — велел Юй Шанчжи.

Вэнь Ецай и Бай Пин тут же стали по обе стороны и осторожно, но надёжно прижали Ду Го к постели. Юй Шанчжи, сменив интонацию на более мягкую, стал уговаривать:

— Го-гер, я сделаю всё возможное, чтобы сохранить ребёнка. Но ты сейчас ни в коем случае не должен нервничать, иначе будет только хуже.

Ду Го изо всех сил закивал, а Юй Шанчжи тяжело вздохнул, отозвал Вэнь Ецай в сторону и начал подробно расспрашивать. Узнав, что у Ду Го вытекли всего лишь капли крови, он наконец немного успокоился.

На самом деле, в том напитке из кислой сливы боярышника было ничтожно мало, в разумных пределах он не способен причинить вреда беременным. Случай Ду Го оказался опасным не из-за одного ингредиента, а из-за того, что сразу несколько факторов наложились друг на друга: усталость, жара, стресс, недоедание, и только тогда всё это вылилось в угрожающее состоянию плода.

Уяснив ситуацию, Юй Шанчжи вышел за дверь и позвал Хань Люцзы.

Пока Вэнь Ецай отправился в кухню, чтобы помочь Юй Шанчжи простерилизовать иглы, сам он развернул бумагу из тутового дерева, взял кисть и стал выписывать рецепт, одновременно обращаясь к Хань Люцзы, который только вошёл и сразу же бросился к Ду Го:

— Го-гер ещё совсем молод, к тому же слаб телом. Чтобы сохранить этого ребёнка, ему как минимум две недели придётся соблюдать строгий постельный режим. Параллельно я назначаю мазь для наложения на пупок, а также успокаивающий отвар — пить дважды в день. Даже после стабилизации состояния плода, вплоть до самых родов нельзя допускать ни переутомлений, ни сильных потрясений. Надо держать тело и душу в покое, и если что-то тревожит — не держать в себе.

На этих словах он вдруг резко остановился, поднял глаза и строго посмотрел на обоих:

— Всё, что я сказал... вы сможете выполнить?

Хань Люцзы и Ду Го замерли, не зная, что ответить. Рядом стоящий Бай Пин не выдержал и вмешался:

— Люцзы, ты не спеши сразу соглашаться. Ты сначала подумай хорошенько: если Го-гер не сможет заниматься тяжёлой работой, ты ведь сможешь справляться с матерью столько времени?

Хань Люцзы почесал в затылке и простодушно ответил:

— Моя мать мечтает понянчить старшего внука. Раз Го-гер сможет его ей подарить, пусть делает всё, что хочет!

Ду Го, чью руку он в это время держал, лишь опустил глаза, в них отражалась глубокая тревога. Он гер, с детства ему внушали, что выйдя замуж, он должен во всём подчиняться мужу. А после свадьбы свёкор со свекровью стали для него небожителями, требующими ещё большего почтения, чем родные отец и мать. К тому же он не может говорить, не умеет, как другие жёны или геры в деревне, льстить, шутить, уговаривать свекровь, чтобы та была довольна.

Единственное, что он умеет — это работать, молча и не поднимая головы, с утра до ночи, пока глаза не закроются. Только так у свекрови не оставалось поводов для упреков. А теперь, если ради сохранения ребёнка ему придётся всё это бросить и лежать на кровати... Если младенца удастся сохранить, и он окажется сыном — тогда ещё полбеды. Но если не удастся... если родится девочка или другой гер...

Ду Го всё думал и думал, и в конце концов слёзы снова хлынули у него из глаз.

Хань Люцзы поспешно стал вытирать ему слёзы:

— Го-эр, не плачь, ты ведь сам слышал, что сказал Юй-ланчжун: тебе сейчас ни в коем случае нельзя плакать!

Юй Шанчжи тоже чувствовал бессилие. У него хватит навыков, чтобы сохранить беременность Ду Го, но вот в семейные распри Ханей он вмешаться не может. Единственное, что он мог, это разложить всё по полочкам и доступно, с предельной ясностью растолковать этой парочке, чтобы они сами поняли, как им поступать дальше.

Вскоре вернулся Вэнь Ецай, и Юй Шанчжи приступил к иглоукалыванию. Хань Люцзы снова был выставлен за дверь, а Вэнь Ецай с Бай Пином тем временем терпеливо и с душой уговаривали Ду Го.

— Го-гер, не бойся ты этой Цай Байцао. Ты сам должен стать твёрже, а Люцзы впредь не должен всё сглаживать, он должен встать на твою сторону!

Бай Пин тоже привёл пример из своей жизни:

— Верно, Го-гер. Вспомни меня, ведь и моя свекровь в своё время изводила меня как могла. А теперь у меня есть Дашу, он относится ко мне как к самому близкому, мы отделились, зажили отдельно, и я, честно говоря, даже не знал, что так может быть спокойно и легко. Мы, фуланы, конечно, должны быть почтительными к старшим, но это не значит, что можно безропотно терпеть все мучения!

Ду Го с надеждой уставился на обоих и смахнул слёзы. Он так внимательно слушал, что даже забыл бояться длинных серебристых игл, и лишь когда очнулся, понял, что все иглы уже давно вынули, а недавняя боль, от которой у него побледнело лицо, и вовсе куда-то пропала.

Убедившись, что Ду Го пришёл в себя, Юй Шанчжи передал Хань Люцзы выписанный рецепт успокаивающего отвара для сохранения плода, велел ему как можно скорее заварить и приготовить лекарство. Мазь для пластыря на пупок тоже была составлена по старинному семейному рецепту рода Юй, но, к сожалению, нескольких необходимых трав в доме не оказалось. Он отдал и этот список Хань Люцзы, велел пойти в аптеку в уезде и принести всё нужное, а затем доставить лекарства прямо в дом Вэнь.

Хань Люцзы аккуратно сложил бумагу с рецептами и убрал за пазуху, после чего, торопливо и суетясь, отправился выполнять поручение. Юй Шанчжи не спешил возвращаться в комнату. Он знал, что Вэнь Ецай и Бай Пин сейчас помогают Ду Го переодеться в чистое. Из-за двери доносились их голоса. Бай Пин немного понимал жесты Ду Го, и хоть разговор шёл местами с трудом, общение в целом всё же складывалось.

Примерно через полчаса дверь открылась, и Вэнь Ецай вышел, вылил ведро с грязной водой, снова зачерпнул чистой из бочки и прополоскал таз. Повернувшись к Юй Шанчжи, он сказал:

— Я посмотрел, у Го-гера настроение стало немного лучше, уже не как раньше, когда он

только и делал, что плакал. Теперь остаётся надеяться, что Хань Люцзы окажется надёжным человеком, иначе дальше Го-геру придётся совсем несладко.

Юй Шанчжи помог ему подтащить таз и вновь развёл в нём чистую тёплую воду.

— Хорошо, что рядом были ты и брат Пин.

Вэнь Ецай впервые за долгое время тяжело вздохнул:

— А что бы ещё оставалось делать? У него же семья родом из деревни Цзиньлань, в доме пятеро-шестеро детей, как только у сестёр или геров приходит возраст, их тут же выдают замуж или женят, чтобы выручить деньги со свадьбы и найти невест сыновьям. А гер, как только выйдет замуж, считается чужим: уж если он и получит в обиде, то уж точно не сможет вернуться в родительский дом поплакаться. И не только это, если родители узнают, что он был беременным, но не смог выносить ребёнка, его ещё и отругают вдобавок.

Даже Юй Шанчжи, отлично понимавший, что подобное происходило и в его прежней жизни, в мире, где он родился, и тогда так и не исчезло полностью, вновь услышав это своими ушами, почувствовал горькое, пронзительное чувство до самого сердца.

Особенно в это время, когда и речи не было о какой-либо свободе в выборе брака: достигнув определённого возраста, нужно было послушно выйти замуж, а уж в какую семью попадёшь и какая жизнь тебя там ждёт - всё решалось судьбой, не тебе выбирать.

Юй Шанчжи, став свидетелем всего, что сегодня произошло с Ду Го, чувствовал, как в груди поднимается тревожная горечь. Даже несмотря на то, что он сам был доктором, представить себе, что нечто подобное может случиться с Вэнь Ецаем, ему было страшно даже подумать.

— А-Е, — тихо сказал он, — нам не стоит спешить с ребёнком. Подождём, пока ты станешь постарше, тогда и рожать будет безопаснее.

Вэнь Ецай не удержался от смеха:

— Я ещё недостаточно стар? Ты посмотри на Пин-гера, он ведь младше меня на полгода, а у него ребёнок уже по всему дому ползает!

Сказав это, он заметил тревогу, скользнувшую по лицу Юй Шанчжи, и поспешил добавить:

— Ладно, как скажешь. Тем более, ты сам ведь говорил: такие вещи должны происходить естественно. Это случится, когда придет время. А если судьба ещё не на пороге, сколько ни проси, не случится.

Когда разговор был окончен, Вэнь Ецай отнёс таз с водой в комнату, а Хань Люцзы как раз успел доварить лекарственный отвар. После того как Ду Го выпил чашу отвара, он тут же уснул. Хань Люцзы остался сидеть рядом, не зная, куда девать свои большие руки: то осторожно тронет волосы Ду Го, то погладит его по щеке, будто стараясь убедиться, что тот действительно жив и дышит.

Бай Пин постоял немного на пороге, понаблюдал за этой сценой и, убедившись, что в сердце Хань Люцзы к Ду Го действительно есть тёплое чувство, тихо вышел.

Внутри Хань Люцзы увидел, что Юй Шанчжи собирается уходить, и тут же поспешил за ним, догнал у ворот и, порывшись в одежде, вытащил небольшой свёрток с деньгами.

— Юй-ланчжун, — виновато сказал он, — все деньги в доме прячет моя мать, я сам и не знаю, куда она их деваает. Это то, что мы с Го-гером успели накопить... Не знаю, хватит ли, если нет, можно я доплачу позже?

Юй Шанчжи, хоть и не занимался благотворительностью, никогда и не завышал цены, как это делали врачи в уездном городе. Разве что, если у семьи и вправду не было ни куска хлеба, как у семьи Кон, тогда мог и уступить. Потому и получалось, что теперь почти все в деревне охотно приходили именно к нему за лекарствами.

Он взглянул на протянутый свёрток — видно было, что сумма собрана добросовестно, — и стал на пальцах прикидывать:

— Осмотр — пятнадцать вэней, за иглоукалывание отдельно десять. Успокаивающее и укрепляющее плод снадобье — восемьдесят вэней за порцию, на семь дней — всего пятьсот шестьдесят. Всё вместе — пятьсот восемьдесят пять вэней.

Хань Люцзы отсчитал пять цяней и восемьдесят пять медяков. Деньги на лечение и лекарства утекают, словно вода сквозь пальцы, но ради Го-гера и их с ним ребёнка, пусть даже втрое больше пришлось бы платить, всё равно пришлось бы достать.

Из дома Хань первым ушёл Бай Пин, он ведь оставил Ху Дашу одного в поле, дел ещё невпроворот. Юй Шанчжи и Вэнь Ецай тоже вернулись домой, отнесли ящик с лекарствами, и, не мешкая, направились обратно на поле. Хотя сегодняшняя жатва и была прервана, срезанные колосья нужно было как минимум собрать и отвезти на воловьей телеге. Судя по небу, в ближайшие дни дождей не ожидалось, значит, оставалось только одно — на следующий день работать с удвоенным усердием.

По дороге, как ни странно, Вэнь Ецай только успел проворчать:

- Интересно, как там староста деревни распорядился с этой Цай Байцао, — как вдруг они с Юй Шанчжи увидели, как с противоположной стороны дороги понурившись идут Хань Каньцзы и Цай Байцао.

Вэнь Ецай криво усмехнулся и пробурчал:

— Вот уж точно враги встречаются на узкой дорожке.

Юй Шанчжи сжал плечо своего фулана, мягко уговаривая:

— Ты тоже поменьше злись, злость на здоровье плохо влияет.

Вэнь Ецай только фыркнул и решил не обращать внимания на эту чету. Однако, проходя мимо, он явственно почувствовал чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, он как раз успел заметить, как Хань Канцзы и Цай Байцао сжались, будто перепуганные перепёлки, поспешно стягивая головы в плечи.

Когда они уже отошли подальше, Вэнь Ецай хмыкнул:

— Смотри-ка, будто и вправду поумерили прыть. Только бы ради ребёнка в животе Го-гера больше дома не бесновались.

Когда Юй Шанчжи и Вэнь Ецай снова вернулись в поле, они издали увидели, как Вэнь-эрню с головой ушла в жатву. Вэнь Ецай окликнул сестру, и та только тогда заметила, что они вернулись. Тут же бросила серп и с радостным криком понеслась им навстречу.

— Брат Юй, брат, а как там Го-гер? — взволнованно спросила Вэнь-эрню, подбегая к ним.

Юй Шанчжи ответил спокойно:

— Всё в порядке, ничего страшного. А деревенский староста уже приходил?

Как раз в этот момент мимо шли Цао Цюшуй с невесткой, и, услышав вопрос, тут же встряли:

— Спокойно, был уже! Староста хорошенько отругал Цай Байцао, и Хань Канцзы заодно попало! Сказал, если она ещё раз за воровство возьмётся, то сразу отправит в уездный ямен, там уж её как следует палками проучат!

Юй Шанчжи наконец понял, отчего та парочка сникла, будто с них душу вынули: оказывается, староста припугнул их яменом. А с учётом того, как в деревне относятся к воровству, сомнений не оставалось — после сегодняшнего, репутация Цай Байцао окончательно покатила под откос.

На этом разговор завершился, и две семьи разошлись по своим участкам доделывать последние дела. Когда наконец стемнело, троица завершила работу, привезя последнюю

повозку с пшеницей на ток. Даже Даван в зубах нёс колос — видно, по дороге его выронили с телеги, и он не захотел оставлять.

В деревне Селю был один общий большой ток, куда каждая семья свозила скошенную пшеницу, складывая её в стога. Там зерно сушили два-три дня перед тем, как приступить к обмолоту. После молотбы, просеивания и провеивания зерно ещё несколько дней сушили на солнце, лишь затем оно отправлялось в амбары на хранение.

Юй Шанчжи с интересом изучил, как здесь молотят хлеб. Для ручного обмолота использовались лянцзя — деревянные цепы, которые были почти в каждом доме. Ими били по снопам пшеницы или риса, отделяя зёрна от шелухи. Кроме этого, на току стояли общие для всей деревни лу-чжоу — простые жернова из камня, приводимые в движение тягловыми животными. Жерновами не только мололи, но и обмолачивали зёрна, прокатывая по снопам.

Однако работа с жерновами была делом непростым — важно было, как разложены соломины, как направлять животных. Такие тонкости были под силу лишь опытным крестьянам, знающим сельское хозяйство назубок. И потому страда по пшенице в деревне всегда была делом общего труда. Например, в этом году у семьи Вэнь появился свой вол, значит, теперь и им придется одалживать его деревне на общее пользование. В прежние годы все пользовались волем семьи Сюй и ослом семьи Чжуан. После работы, если кто был в состоянии, благодарил мешком риса или муки, а кто поскромнее — приносил сено для скотины. В любом случае бесплатно никто не пользовался.

Ночью на току обязательно дежурили мужчины - и чтобы зерно не утащили, и чтобы за погодой следить. Вдруг гром грянет или дождь хлынет, надо сразу бежать по дворам, звать всех собирать пшеницу и тащить домой.

Когда последние снопы были свалены на общий ток, усталость навалилась не только на людей, даже вол у Вэней выглядел измотанным.

По возвращении домой ужинали кое-как, не до изысков. Кашу варил сам Вэнь-санья — стоя на табурете, с сосредоточенным видом помешивая в котле. Он даже догадался подогреть оставшиеся со вчерашнего дня тушеное мясо и яйца.

— Санья становится всё способнее, — с улыбкой сказал Вэнь Ецай, притянув младшего брата в объятия и потянувшись, чтобы пощипать того за щёки.

Лицо Вэнь-санья тут же перекопилось от нежного, но нещадного щипка. К счастью, мимо проходил Юй Шанчжи, и вовремя спас ребёнка из цепких лап старшего брата.

Во время ужина Вэнь-эрню вновь, с жаром и во всех подробностях, пересказала Вэнь-санья всё, что произошло сегодня. Вэнь Ецай уже слышал ту же историю днём, а теперь, глядя на то, как у сестрёнки рот не затыкается, не выдержал, потёр ухо и сказал:

— Гляжу я на тебя, тебе бы в уезде рассказчицей работать, целый день тараторить, и хоть бы раз остановилась.

Вэнь-эрню с детской серьёзностью подхватила:

— А я бы не прочь! Если б пошла сказки рассказывать, то всё, что мне накидают, обменяла бы на цыплят да утят, а потом они мне яиц нанесут — вот сколько будет!

Эти слова рассмешили даже Юй Шанчжи: девчонка маленькая, а вся голова забита курицами, утками да яйцами.

Когда с ужином было покончено, а снопы пшеницы разложены сушиться, Юй Шанчжи занёс таз с тёплой водой в комнату. Там он увидел, как Вэнь Ецай с голым торсом развалился на кровати и уже почти заснул. Он легонько похлопал его по спине, заставляя проснуться:

— Поди-ка ноги попарь, снимешь усталость, а потом спать.

Вэнь Ецай нехотя приподнялся, щурясь, опустил ноги в воду. Юй Шанчжи всё ещё волновался — опустил рядом и стал ощупывать его колени, мягко нажимая и спрашивая, не болит ли. Вэнь Ецай с усилием встрепенулся и покачал головой. Сегодня он, по большому счёту, и отработал-то всего несколько часов, потому куда больше беспокоился не о себе, а о Юй Шанчжи. И потому, когда тот вернулся после того, как вылил воду из таза, погасил свет и лёг рядом, Вэнь Ецай, стоило ему только улечься, тут же протянул к нему руку.

Юй Шанчжи не удержался и проговорил:

— Завтра ведь снова в поле, может, лучше не...

Но договорить не успел - Вэнь Ецай больно ущипнул его за мягкое место на боку.

— О чём ты там подумал? — сердито прошептал он. — Я просто боюсь, что у тебя завтра всё тело будет ломить. Хотел было помочь, помассировать.

В темноте Юй Шанчжи негромко рассмеялся, в голосе его сквозила усталость и хрипотца:

— Выходит, я тебя зря подозревал.

Вэнь Ецай фыркнул:

— Сам не знаю, что ты там обо мне воображаешь. Но не до такой же степени, чтобы даже в такие дни к тебе лезть с этим!

Не стоит обманываться его худощавостью, стоило Юй Шанчжи взяться всерьёз, так наутро гер сам с кровати встать не мог. А завтра ведь снова косить - он ещё не настолько рехнулся, чтобы посреди поля на коленки рухнуть, да ещё, чего доброго, зацепиться за серп и залить всё кровью — тогда к пострадавшим добавился бы ещё один.

Юй Шанчжи и правда смертельно устал. Успел обменяться с ним парой фраз и вскоре затих, позволив Вэнь Ецаю без всяких возражений разминать ему плечи и ноги, хорошенько вымяв за полчаса. Сам Вэнь Ецай, хоть и уставший, но всё-таки привыкший к тяжёлой работе, духом держался бодрее. Убедившись, что Юй Шанчжи заснул, он остановил массаж и в свете лунного сияния, пробивавшегося в комнату, тихо разглядывал черты своего маленького доктора, а потом, немного поколебавшись, всё же наклонился и украдкой поцеловал его.

Вода для умывания в последнее время у них заваривалась с мятой, отчего становилась прохладной и ароматной. А у изголовья на кровати висело несколько мешочков с лекарственными травами от комаров, в которые добавляли также снадобья для успокоения. Всё это вместе витало в воздухе — тихое, спокойное, убаюкивающее. Под этот аромат Вэнь Ецай, прижавшись к плечу Юй Шанчжи, вскоре тоже погрузился в глубокий сон.

На следующий день они встали ещё до рассвета.

Тушеное мясо уже съели, и обед на сегодня решили заменить на овощные лепёшки: тонкие лепёшки и начинка из овощей были сложены отдельно, чтобы каждый мог сам завернуть их по вкусу прямо перед едой.

Что касается кастрюли с овощным рагу — туда шло всё, что было под рукой на заднем дворе. Мяса, конечно, не было, но при жарке использовалось сало, так что пахло всё равно аппетитно и наваристо.

Кисло-сладкий сливовый напиток тоже сварили заново — целый большой котёл. Прежде чем перелить его в кувшин, Вэнь Ецай тщательно вычистил ёмкость снаружи и изнутри, боясь, что та гадкая баба, Цай Байцао, вчера могла её испачкать.

За ночь её деяния уже разлетелись по всей деревне. Где бы она ни шла, каждый обязательно бросал на неё косой взгляд. А кто был порезче на язык, так ещё и непременно обругивал вслед. Цай Байцао в жизни не терпела подобного обращения и несколько раз уже пыталась огрызнуться в ответ, но Хань Каньцзы вовремя её одёргивал:

— Ты что, бед ещё не нажила? Хочешь, чтобы деревенский староста второй раз пожаловал?! Тогда я скажу: собираем манатки и валим отсюда! В Селю мне уже и показаться людям стыдно с такой женой!

Цай Байцао про себя фыркнула: «У Вэней-то гер опозорился куда больше, и ничего — их семья ведь не переехала! С чего бы нам уезжать?» Но она всё же побаивалась Сюй Байфу, потому и затаив злость, под градом брани пошла работать в поле.

А в глазах остальных, после вчерашней бури, сегодняшний день на полях показался особенно спокойным. Единственное, что вновь привлекло внимание, это то, что к полудню семья Вэнь снова вытащила еду, аромат от которой разносился едва ли не на десятки ли.

Видно было, как трое человек вымыли руки, достали из бамбуковой корзины пшеничные тонкие лепёшки, аккуратно разложили их, положили внутрь по паре палочек овощной начинки и свернули — с виду ни кусочка мяса, а пахло так, что у всех животы засосало от зависти.

Цао Цюйшуй, увидев, как внук с внучкой уже начинают капризничать и выпрашивать чего-нибудь повкуснее, поспешно налила им по чашке напитка из кислой сливы. И правда, стоит малышам получить что-нибудь сладенькое, так всё остальное мигом забывается. А если глянуть по сторонам — те семьи, что вчера купили у Юй Шанчжи пакетики с ингредиентами для отвара, сегодня, не удержавшись, уже успели сварить его и принесли в поле с собой.

Раз уж люди готовы тратить лишние деньги на такую роскошь, то уже не скупилась и добавляли в отвар побольше сахара, и теперь один за другим пили его, прикрывая глаза от удовольствия и наслаждаясь.

А те, кто деньгами всё же дорожил, тоже не сидели сложа руки. Прислушавшись к совету Юй Шанчжи, они варили зеленые бобы мунг, а к ним добавляли листья мяты, сорванные у дороги и промытые начисто. На вкус прохладно, свежо, и жажду утоляет, и от жары спасает.

Между делом все как один говорили, что с тех пор, как Юй Шанчжи пришёл в деревню, жить стало совсем по-другому. Теперь в каждом доме не боятся заболеть, нет страха, что не сможешь позволить себе лекаря или не потянешь стоимость отвара. А при лёгкой хвори и вовсе можно не тратить ни монетки, достаточно принести немного овощей или яиц, чтобы Юй Шанчжи разок проверил пульс.

И уж тем более когда удавалось бесплатно угоститься чем-то вроде напитка из кислых слив, да хоть бы и за деньги — всё равно выгодно, оно того стоит.

На самом деле, если бы в доме не жалели денег на каменный сахар, такой напиток можно было бы смело везти на большой рынок, там он точно бы пользовался спросом и принес немалый доход.

Все эти идеи для бизнеса, до которых только сейчас додумались деревенские, у Юй Шанчжи давно уже продумал. Он помнил, как Вэнь Ецай рассказывал: каждый год после летней жатвы несколько соседних уездов собирались вместе, чтобы устроить большой рынок. Как раз то самое время, когда крестьяне только продали зерно и у них в карманах водились деньги, потому и тратились охотнее, покупали, не скупясь.

Прежде на этот рынок Вэнь Ецай обычно отправлялся с охотничьей добычей, продавал дичь, а заодно и кое-какие лесные дары. Торговля шла, конечно, но лето стояло жаркое, и добыча быстро портилась. Стоило пройти первым утренним часам, как народ начинал жаловаться на несвежесть. Не говоря уже о мехах — в это время года за них вообще не выручишь приличной

цены.

Потому в этом году Юй Шанчжи прикинул, что будет разумнее поехать на рынок не с дичью, а с напитком из кислых слив и лечебными прижиганиями. И то, и другое стоило сущие пустяки, а вот спрос на них мог быть весьма приличным. Люди на рынке целый день маются под палящим солнцем, горло пересыхает, язык прилипает к нёбу. Кто ж откажется от глотка прохладного свежего питья, даже если и придётся выложить за него монету? А лекарственные прижигания вообще вещь на каждый день, в каждом доме пригодятся, особенно если цена будет разумной, с расчётом на быстрый оборот.

Но летняя жатва только началась, до большого рынка ещё оставалось немало дней. К тому же, прежде чем заняться торговлей, предстояло подняться в горы, собрать побольше трав и как следует запастись сырьём для напитка и лекарственных прижиганий. Поэтому Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем пока не слишком забивали голову этим делом, а всё внимание сосредоточили на своих двух му земли с пшеницей.

Однако никто из них и подумать не мог, что во второй половине дня в поле к ним присоединится помощник, о котором они даже не догадывались.

Кон Майя пришла сама, с серпом из собственного дома. Волосы у неё, обычно взлохмаченные, сегодня были аккуратно заплетены и ровно уложены на затылке.

Первой её заметила Вэнь-эрню, радостно крикнув: «Майя!» — чем заставила Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю поднять головы от работы в поле.

Юй Шанчжи сперва испугался, решив, что с Кон И что-то случилось, потому быстро отряхнул с ладоней пыль и солону, поспешив навстречу, но, к счастью, тревога оказалась напрасной.

Кон Майя подняла голову и звонко сказала:

— Дядюшка Юй, дядюшка Вэнь, я пришла помочь вам убирать пшеницу.

Вэнь Ецай вытер пот со лба и, глядя на эту девчущку, что даже ниже ростом, чем Вэнь-эрню, сказал:

— Здесь ты ни к чему, ступай домой, пригляди за своим отцом.

Но Кон Майя упрямо возразила:

— Это сам папа меня послал. Не смотрите, что я маленькая, на самом деле у меня много сил. Старшая сестра Эрню, правда ведь?

За последнее время Вэнь-эрню часто тянула Кон Майю играть вместе, они крепко сдружились, и особенно ей нравилось, когда Майя называла её «старшей сестрой». От этих слов она сразу захихикала и, слегка покраснев, затуманено кивнула:

— Точно, у Майи сил хоть отбавляй, даже больше, чем у меня.

Разве Юй Шанчжи не знал, откуда у Майи такая сила? Эти руки укреплялись тяжёлым трудом, ведь всё, что касалось ухода за Кон И и домашними делами, она тащила одна.

К примеру, Вэнь-эрню не под силу было даже раз поднять полный деревянный бочонок с водой, а Кон Майя, задействовав обе руки, справлялась с этим и, приподнявшись на скамеечку, аккуратно переливала воду в бочку дома.

— Майя, на поле палящее солнце, если ты заболеешь, то кто за твоим отцом присмотрит? — мягко попытался урезонить её Юй Шанчжи.

Но как бы они ни уговаривали, Кон Майя стояла на своём: отца она уже устроила, и намерения помочь семье Вэнь в уборке пшеницы менять не собиралась.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай переглянулись. Упрямство этой девчушки было им хорошо знакомо, так что в конце концов им ничего не оставалось, как сдаться и согласиться.

Как только Кон Майя услышала заветное разрешение, на её лице распустилась радостная улыбка. Она тут же схватила Вэнь-эрню за руку и, взявшись вместе, пошла работать в поле.

Глядя вслед двум девочкам примерно одного возраста, бегущим бок о бок, Юй Шанчжи вдруг подумал, что, пожалуй, это вовсе не худшее решение.

— У Майи, кажется, в деревне и нет настоящих подруг. Всё больше одна-одинёшенька ходит. Не ожидал, что с Эрню у них так сойдётся, — сказал он.

Вэнь Ецай, по-видимому, подумал о том же самом. Улыбнувшись, оба решили, что детские дела пусть дети сами между собой и решают.

Кон Майя действительно оказалась толковой помощницей. Её семья раньше тоже имела надел земли, но после болезни Кон И всё пришлось продать, чтобы прокормиться. С её участием дело пошло гораздо быстрее. Когда к вечеру подвели итог, Вэнь Ецай прикинул, что если утром ещё поработать с прежней сноровкой, то уже завтра к полудню уборка будет завершена.

— Сегодня всё благодаря тебе, Майя, — сказал Вэнь Ецай, вытирая пот. — Вечером не возвращайся домой готовить, поужинаешь у нас.

Кон Майя тут же замотала головой, словно трещотка, отказываясь, но Вэнь-эрню уже получила взгляд от двух своих старших братьев и поняла всё без слов. Она сразу пошла в наступление, цепляясь к подружке как банный лист всем своим упрямством и не давая ей уйти.

Юй Шанчжи тоже добавил:

— Я вечером сам провожу тебя домой и заодно взгляну на состояние твоего отца.

Сейчас курс акупунктуры Кон И уже был переведён на раз в семь дней, а в остальные дни он пил отвары и делал дома восстановительные упражнения. По плану визит должен был быть завтра, но раз уж так сложилось, прийти сегодня совсем не помешает.

Кон Майя, к которой Вэнь-эрню приклеилась как липкий рис, уже и шагу ступить не могла, ей только и оставалось, что сдаться и нехотя согласиться.

Вэнь Ецай, глядя на неё, потянулся и аккуратно потрепал по голове. Повязка на её макушке давно выцвела и была вот-вот готова лопнуть, и он сразу решил, что дома поищет парочку новых и отдаст ей за ужином.

Когда все четверо закончили и несколькими ходками перетаскали пшеницу на сушильную площадку, они вернулись домой. А дома их уже поджидали Даван и Эрван, которые с величайшим любопытством обнюхивали девочку. Убедившись, что угрозы нет, псы добродушно махнули хвостами, пропуская гостью внутрь.

Поскольку пришла Кон Майя, Вэнь Ецай широким жестом распорядился: Вэнь-эрню освобождается от помощи на кухне и ведет гостью играть. Две девочки вымыли руки, и Кон Майя тут же была утащена подругой во двор смотреть на кур и уток. Большой жёлтый вол уже стоял в стойле, с жадностью хлебая воду, а Вэнь-санъя, привлечённый шумом, тоже прибежал на задний двор. Втроём они занялись подготовкой травы для кормёжки птицы и скота на ужин.

Так как сегодня в доме была гостья, Вэнь Ецай решил, что жареные блюда могут поставить её в неловкое положение, если вдруг она посчитает неудобным брать еду со всех тарелок. Долго не думая, он остановился на супе с рваными клецками. Внутри он порезал вяленого мяса, положил много зелени, добавил помидоров и разбил туда два яйца, превращённых в тонкие ленты яичного цветка. Кому не хватит, могли доесть остатки пшеничных лепёшек с обеда.

Самым прожорливым в семье, конечно же, был Вэнь Ецай — последние две лепёшки бесследно исчезли в его животе.

Когда Кон Майя получила свою чашку, она на миг застыла, будто оторопела, а ее глаза увлажнились. Потом, под дружные призывы за столом, она опустила голову и начала есть.

После ужина Юй Шанчжи, с аптечкой за спиной, отправился проводить Кон Майя домой. Без

Вэнь Ецая и Вэнь-эрню рядом, девочка ощущала себя скованной: молча шла, низко опустив голову, теребя край одежды, будто не зная, как себя вести.

Первым заговорил всё же Юй Шанчжи: напомнил о прошлых уроках: как он учил её читать и как просил заучить «Песню отваров». Лишь тогда Кон Майя потихоньку оттаяла и разговорилась. Причём проговорилась так, что прямо на ходу без запинки продекламовала несколько строк этой самой песни. С момента, как он научил её этим песням, прошло не более шести-семи дней, а она уже выучила их назубок, легко, без запинки — видно, что повторяла про себя каждый день, снова и снова.

Юй Шанчжи не смог не отметить это про себя и в голове тут же возникла мысль, которую он, впрочем, пока оставил при себе.

Когда они добрались до дома Кон И, тот уже выглядел значительно лучше, и прогресс в его состоянии был действительно обнадеживающим. Теперь он мог пусть и медленно, но сам зачерпнуть ложкой целую миску мелкой гальки, не выронив половину, как это было раньше. Теперь он уже мог сам есть, не нужно было, чтобы Кон Майя кормила его с ложки.

- Я подумал, — с заметным волнением сказал Кон И, — ещё немного потренируюсь, и можно будет попробовать плести соломенные сандалии.

Цель, что когда-то казалась ему недостижимой, теперь вдруг стала совсем близкой.

Юй Шанчжи подбодрил его парой слов, затем сделал очередной сеанс иглоукалывания. Уже на выходе он обратил внимание на угол двора, где песчаную землю кто-то тщательно разровнял. Рядом лежала короткая ветка. Юй Шанчжи подошёл поближе — на земле ещё можно было разглядеть несколько иероглифов, хоть ветер и растрепал их, оставив кое-где без «рук» и «ног».

Похоже, Кон Майя училась тут писать, используя ветку вместо кисти.

С этими мыслями Юй Шанчжи вернулся домой. Взвесив всё, он, наконец, решился поделиться с Вэнь Ецаем:

— А-Е, я вот думаю... Как ты смотришь на то, если я возьму Майю в ученицы?

<http://bllate.org/book/13600/1205968>